

ДЕПРЕССИЯ

Раньше в России душевная депрессия была почти неизвестна. Во всяком случае, я не знал ни одного случая, чтобы из моих знакомых кто-то болел ею. А теперь все мои старые знакомые жалуются на депрессию. Это болезнь сугубо социальная, специфически постсоветская. Мои знакомые пытаются спастись за счет широко рекламируемых западных лекарств. Стоят лекарства дорого. На первых порах вроде помогают — «заманивают». Потом становится хуже прежнего. Но от лекарств избавиться попробовавшие их уже не могут.

Я пытаюсь выработать свою систему борьбы с бессонницей: тренируюсь, чтобы не думать, прогонять прочь всякие мысли. И делаю это очень просто: как только какая-то мысль зарождается, я твержу про себя: «Не думать, не думать, не думать...» И мысли действительно пропадают или не оформляются отчетливо. Теперь я могу это делать полчаса, а порою целый час. В результате засыпаю на пару часов. Но все равно просыпаюсь в состоянии тревоги.

Вот и сейчас проснулся с мыслью, что оказался в числе тех, у кого нет никакой защиты в этом мире. Никакой! В советское время каждый гражданин имел какую-то защиту в виде коллектива, в котором он работал, в партийной и профсоюзной организации, в комсомоле, в дирекции. А то и выше — в районных организациях, в редакциях газет, во всяких контрольных органах, в различного рода обществах и союзах. И государство охраняло эту систему защиты и самозащиты граждан. Сейчас этой системы нет, она разрушена. Единственной защитой стали деньги. Есть деньги — есть защита, кто бы ты ни был. Нет денег — ты беззащитен.

Конечно, за такую защищенность приходилось как-то расплачиваться. Она сковывала людей в смысле демократических свобод. Но массу граждан это вполне устраивало. Страдали и протестовали исключительные одиночки, отщепенцы, психически больные. Я принадлежал к нормальному большинству. На Запад я не врался. Печатать что-то запретное не хотел, так как

ничего такого не писал. Мои права никто не ущемлял, поскольку я не претендовал ни на что, выходящее за рамки советской законности. Выходит, с точки зрения личной защищенности я оказался в самой пострадавшей части населения России. Я от антисоветского переворота не выгадал ничего, а потерял все. Воспользоваться западными свободами я не могу и не хочу. Они мне вообще ни к чему, как говорится, как рыбе зонтик или корове седло. В условиях советской несвободы я был фактически свободен с точки зрения моих способностей, деятельности и потребностей. Я потерял самое главное — социальные права и социальные гарантии, а также систему личной защищенности. А что я приобрел? Состояние непреходящего ужаса от сознания потери этих прав, гарантий и защиты. И в таком положении оказались десятки миллионов людей. Теперь нам остается лишь одно: мечтать о советском прошлом как о потерянном и больше уже недостижимом земном рае.